

---

---

Н. Ю. БАКШАЕВА, Д. М. ЦЫГАНОВ

**ПУШКИН И МУЖИКИ REVISITED\***

**К социологии пушкинской народности  
и истории массового чтения классики в 1920-е годы**

Пушкин весь отдался творческому порыву, а мужиков все-таки наблюдал и изучал.

П. Е. Щеголев.  
*Пушкин и мужики* (1928)

...Генеалогия русской литературы неизбежно приводит нас именно к Пушкину, знаменующему поворотный момент в истории русской культуры, в превращении ее в культуру народную.

Б. В. Томашевский.  
*Пушкин и народность* (1941)

<Пушкин> сообщил нашей литературе подлинную и всестороннюю народность, сделал ее «поэзией действительности» — органом художественного самосознания общества.

Д. Д. Благой.  
*Мировое значение Пушкина* (1949)

Критическая дискуссия о классике и классическом и их месте в социалистической культуре берет начало еще в модернистских

---

\* Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-18-00196, «От ранних писательских объединений к Оргкомитету Союза советских писателей: Генезис институциональных форм в культурном строительстве РСФСР/СССР (Цифровой архив документальных данных и исследований)»).

исканиях рубежа XIX—XX веков, а ее содержание в 1920—1930-е годы отнюдь не исчерпывается стремлением наиболее радикальных авангардных групп «бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности».<sup>1</sup> Почти каждое эстетически самостоятельное объединение интеллектуалов или литературно-художественная «группировка» пытались предложить собственную стратегию взаимодействия с художественной традицией;<sup>2</sup> множество этих разнонаправленных стратегий оформили «дискурсивный арсенал» для работы с «наследием» в диапазоне от категорического отрицания до производства ностальгических «ремейков». Позднее политико-социальная динамика второй половины 1920-х годов существенно упростила «модернистскую» множественность апроприационных практик<sup>3</sup> и едва ли не полностью свела их к нейтральной производственной логике напостовцев — рапповцев. В рамках этой концепции вопрос об отношении теоретиков и практиков пролетарской культуры к «наследству» сопрягался с вопросом о «мастерстве» «наследника»; проблема же «мастерства» провоцировала усиление самокритических настроений внутри творческого сообщества,<sup>4</sup> которое обрекалось партийным начальством на вечное

<sup>1</sup> Бурлюк Д., Крученых А., Маяковский В., Хлебников В. Пощечина общественному вкусу // Пощечина общественному вкусу. [М.], [1913]. С. [3]. Позднее, обсуждая это положение, В. В. Ерилов писал: «Формула эта, по своей нелепости, равносильна такой “формуле”: ребенок, чтобы родиться, должен предварительно убить своих родителей» (Ерилов В. Еще о творческих путях пролетарской литературы // На литературном посту. 1928. № 6. С. 20).

<sup>2</sup> Подробнее см.: Мейлах Б. С. Судьба классического наследия в первые послеоктябрьские годы (1917—1919) // Русская литература. 1967. № 3. С. 27—42.

<sup>3</sup> Некогда руководивший РАХН / ГАХН П. С. Коган указывал на это упущение в творческой практике футуристов: «Сегодня этой молодежи грозит опасность удариться в дилетантизм, отбросить всякую мысль о подготовке, об учебе, об истории. И в зависимости от этого меняется подход к классикам, к литературному наследию, к вопросу о мастерстве, которое вчера еще было отодвинуто на задний план идеологией, сегодня выдвигается вперед, как очередная ударная задача» (Коган П. С. Наши литературные споры: К истории критики октябрьской эпохи. М., 1927. С. 109). Позднее схожие процессы произошли и в институционально оформленных творческих группах; ср.: «До сих пор Леф представлял собою самостоятельную поэтическую республику. Объявив себя единственно разумной династией, лефовцы высокомерно поглядывали на всех и на все. По отношению к классикам был организован своеобразный бойкот, выразившийся в явном пренебрежении к классическим формам стиха и всему тому, что отдаленно напоминает старую литературу. Лишь недавно произошел заметный сдвиг в работе Лефа. Пушкин получил признание не только де-юре, но и де-факто» (Беккер М. Хорошо ли «Хорошо» // На литературном посту. 1928. № 2. С. 25).

<sup>4</sup> Подробнее о практике самокритики и ее месте в культуре сталинской эпохи см.: Цыганов Д. М. От самокритики к самоуничтожению: Реорганизация со-

«ученичество». Однако некогда существовавшее многообразие путей взаимодействия с классикой породило известную неопределенность в социальных слоях «потребителей», непосредственно не вовлеченных в раннесоветское культурное производство, но прямо взаимодействующих с итогами этого производства.<sup>5</sup>

В начале 1920-х годов потребность в самоопределении привела участников многочисленных (около)литературных сообществ к необходимости концептуализировать свое отношение к классике.<sup>6</sup> Важность этого шага осознавалась всеми, так как от того, насколько убедительно им удастся простроить идейные взаимоотношения с художественной «традицией», зависело не только положение того или иного объединения на литературном поле, но и перспектива его дальнейшего существования.

---

ветского эстетического канона в эпоху позднего сталинизма // Новое литературное обозрение. 2022. № 4 (177). С. 135—148.

<sup>5</sup> Начавшаяся в 1920-е годы «формовка» творческих кадров «новой» литературы потребовала обратить внимание на изучение способов работы с читателем. Итогом этого стало появление множества специальных публикаций, в центре которых — работа с читателем; см. хотя бы: Бек А. Проблема изучения читателя // На литературном посту. 1926. № 5—6. С. 23—27; Литература и рабочий читатель // Жизнь искусства. 1927. № 20. С. 1—2; Шафир Я. Максим Горький о читательских интересах // Октябрь. 1927. № 4. С. 175—184; Гоффеншпер В. 1) О статье Карла Коссова [«Что читает немецкий рабочий»] и о рабочем читателе // Печать и революция. 1928. № 3. С. 107—110; 2) Крестьяне о писателях-современниках // Молодая гвардия. 1929. № 10. С. 103—107; Исбах А. О росте рабочего читателя // На литературном посту. 1928. № 2. С. 36—38; Левицкая А. Читатель в роли критика // Там же. 1929. № 6. С. 66—68; Голос рабочего читателя: Современная советская литература в свете массовой рабочей критики. Л., 1929; Коробкова Э., Поляк Л. 1) Рабочий читатель о языке современной прозы: К постановке вопроса // На литературном посту. 1929. № 14. С. 59—62; 2) Писатель о читателе // Там же. 1930. № 5—6. С. 100—103; 3) Крестьянский читатель о художественной литературе // Там же. № 21—22. С. 51—64; Прянишников Н. Рассуждение о читателе и писателе // Там же. № 8. С. 62—65; Топоров А. Крестьяне о писателях: Опыт, методика и образцы крестьянской критики современной художественной литературы. М.; Л., 1930; Сим М. «Полпредство» рабочего читателя // На литературном посту. 1931. № 13. С. 46—47. Подробнее о неоднократно менявшемся положении «массового» читателя в советском культурном производстве см.: Цыганов Д. М. «Надо, чтоб каждый в Союзе читал...»: Читатель как институция советской культуры // Slověne = Словѣне. 2022. Т. 11. № 2. С. 368—389.

<sup>6</sup> Подробнее см.: Цыганов Д. М. 1) «Классика» и «классическое» в советской науке о литературе: Формалисты и компаративисты: (Заметки к теме) // Codex manuscriptus. М., 2024. Вып. 5. С. 199—221; 2) «Учиться у величайших гениев проклятого прошлого»: Идеи «классики» и «классического» в эстетической теории и литературной практике пролетарской культуры 1920-х годов // Slověne = Словѣне. 2026 (в печати).

Авторитетное обоснование претензия на апроприацию «литературного наследия» и параллельное создание «новой классики» получила в статье А. В. Луначарского «Читайте классиков».<sup>7</sup>

Растет класс — растет и его самосознание, растет и его литература. Она приобретает необыкновенно напряженно яркий, острый характер, когда класс вступает в борьбу с господствующим классом за власть. В такие годы поднимающийся класс считается выразителем всех погрязших интересов народа и создает широкое мирозерцание с очень далеко идущими выводами, освещенными более или менее общечеловеческими идеалами.

Если поднимающемуся классу суждено овладеть властью, то в первый период, пока он устраивается, пока он создает основы государства согласно своему пониманию и пока народные массы продолжают видеть в нем единственного естественного устроителя новой жизни, литература начинает ярко процветать. К этому времени ее бурнопламенность, неудовлетворенность, кипучее бунтарство выветриваются, класс сознает себя господином, защищает это свое господство. Он спокоен, он уравновешен, он находится в своем зените — и в это время выливается в классические формы его литература.

<...>

Из этой схемы видно, что одна и та же нация может пережить и несколько классических эпох.<sup>8</sup>

Тезис о возможном повторении «классической эпохи»,<sup>9</sup> «новом преломлении классики»<sup>10</sup> был не столько очередным фантазмом утопического сознания, сколько оправданием набиравшего силу социалистического («пролетарского») литературного проекта.<sup>11</sup> Луначарский

<sup>7</sup> Оpubл.: Комсомольская правда. 1925. № 53.

<sup>8</sup> Цит. по: Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8 т. М., 1967. Т. 7. С. 432—433. О роли Луначарского в реализации раннесоветской культурной политики см.: O'Connor T. E. The Politics of Soviet Culture Anatolii Lunacharskii. Ann Arbor, 1983 (на рус. яз. — О'Коннор Т. Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. М., 1992).

<sup>9</sup> В одной из позднейших статей «Мысли о мастере» (1933) Луначарский напишет: «Счастливейшая эпоха — это та, когда подмастерья в искусстве творят почти как мастера. Такую эпоху приходится признавать классической. На почве такой высокой средней литературы всегда появляется целый ряд гениев» (Луначарский А. В. Мысли о мастере // Литературная газета. 1933. № 27 (255). 11 июня. С. 3).

<sup>10</sup> Об этом Луначарский написал в статье «Классовая борьба в искусстве» (опубл.: Искусство. 1929. № 1—2).

<sup>11</sup> См.: Московская Д. С. Пролетарская литература как проект // Новое литературное обозрение. 2021. № 5 (171). С. 80—93.

чарский, следуя за интеллектуальными веяниями начала 1920-х годов, связывал вопрос о классике не только с тернарной оппозицией «романтизм — реализм — классика», но и с проблемой «художественного качества»:<sup>12</sup>

Так как выражение «классическая» не всегда употребляется только в смысле равновесия содержания и формы, строгости вкуса, законченности, но и вообще в смысле образцового, сильного, в *своем роде* лучшего произведения, то и самые могучие писатели среди романтиков и реалистов тоже часто носят название классиков. Получаются как бы внутренние противоречивые выражения — классики романтизма, классики реализма.<sup>13</sup>

Однако, по Луначарскому, никакого противоречия в таком «разумном присвоении» всего «лучшего» из унаследованной культуры прошлого не может быть, потому как всякий литературный материал может стать для подрастающего поколения пролетарских авторов (и читателей!) если не источником актуальных идеологических установок, то хотя бы собранием технических «приемов» оформления мыслей:

Когда пролетариат создаст свою собственную литературу — сперва пролетарскую, а потом и общечеловеческую, — на той небывалой по мощности базе, какой является социалистическое производство, то классики прошлых веков и всех родов, равно как и всякие другие писатели и художники, не признанные образцовыми, превратятся просто в музейно-исторический материал, интересный для понимания прошлого. *Но пока пролетариат находится только в пути, в смысле развития своей культуры, классики являются для него очень важным подспорьем в деле повышения художественного умения.* Естественно поэтому, что пролетариат питает большой интерес к классикам, во-первых, потому, что он хочет

---

<sup>12</sup> В 1920—1930-е годы эта проблема в ее применении к «новой» культуре обсуждалась очень взволнованно; см., например: Виппер Б. Р. Искусство без качества // Среди коллекционеров. 1923. № 1—2. С. 7—14; Маяковский В. В. Как делать стихи? М., 1927; Шкловский В. Техника писательского ремесла. М., 1929; Жирмунский В. М. Как не надо писать стихи // Литературная учеба. 1930. № 4. С. 96—110; Горький М. Беседы о ремесле // Там же. № 6. С. 21—32; 1931. № 7. С. 9—21; № 9. С. 3—27; Авербах Л. За художественное качество // На литературном посту. 1931. № 6. С. 1—9; Фадеев А. За хорошее качество, за мастерство! // Литературный критик. 1934. № 4. С. 39—47.

<sup>13</sup> Луначарский А. В. Собр. соч. Т. 7. С. 434.

знать прошлое своей страны и человечества, а оно нигде не говорит таким ясным и увлекательным языком, как в произведениях великих писателей, и, во-вторых, потому, что эти писатели прошлого часто выражают очень близкие пролетариату настроения или, по крайней мере, отдельные черты его, и притом лучше, чем может выразить молодая литература класса, самые крупные дарования которого отвлечены задачами прямой борьбы и сурового труда.<sup>14</sup>

Именно поэтому «дворянская литература <1820—1860-х годов> <...> являет собою нечто необыкновенно блестящее и заслуживающее *глубокого изучения*»<sup>15</sup>. Формулирование новых задач, которые должны стоять перед писателем, неизбежно сопрягалось с рефлексией над путем, уже пройденным «классиками» прошлого;<sup>16</sup> точнее многих об этом писал активный участник литературной жизни Саратова 1920-х годов Л. А. Словохотов: «Задача поворота к классикам — *заставить* всякого крайнего индивидуалиста в словотворчестве вспоминать о великой регистратуре словооборота в толковом словаре Даля. Задача поворота к классикам — *заставить* нового писателя задуматься над формулой художественного суверенитета: “я так вижу, я так хочу”, и сообразоваться с массами. Задача поворота к классикам — взять с вершин человечества то, что там есть».<sup>17</sup> Осознание этой необходимости ориентировало не только литературных «ударников», которых старались информировать о выходявших материалах, или книгоиздателей, перед которыми стояла цель издания *востребованной* «классической» литературы (как русской, так и зарубежной),<sup>18</sup> но и читателей, ныне обязанных

<sup>14</sup> Там же. С. 435; курсив наш. — Н. Б., Д. Ц.

<sup>15</sup> Там же. С. 436; курсив наш. — Н. Б., Д. Ц.

<sup>16</sup> Эта идея вызывала закономерное сопротивление со стороны теоретиков, близких к кругам авангардистов. Так, В. Б. Шкловский в фельетоне «Что нас носит?» (опубл.: Вечерняя Москва. 1925. № 266. 21 ноября) писал: «Современный писатель — не ученик русских классиков. Классики от классиков не происходят» (Шкловский В. Б. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914—1933). М., 1990. С. 295).

<sup>17</sup> Словохотов Л. А. О классиках русской литературы. Саратов, 1927. С. 70; курсив наш. — Н. Б., Д. Ц. Подробнее о массовости как феномене культурной жизни 1920-х годов см.: Московская Д. С., Бахшаева Н. Ю., Романова О. В. Массовость и «массовизация» в раннесоветском литературном процессе // Studia Litterarum. 2022. Т. 7. № 4. С. 10—33.

<sup>18</sup> К середине 1920-х годов сложилась весьма парадоксальная ситуация с распространением «классики» через книжный рынок. В январском 1925 года выступлении на Всероссийской конференции пролетарских писателей В. И. Нарбут — тогда заместитель заведующего Отделом печати при ЦК ВКП(б) — отмечал: «...переходя к следующей рубрике, русским классикам, я должен поделиться с вами такими данными: хорошо идут Герцен, Гончаров, Степняк-Кравчинский,

изучать и знать не до конца отмененную культуру «проклятого прошлого». И молодая советская власть сполна предоставила рядовым читателям такую возможность. Разоренные в конце 1910-х годов государственные и частные книжные собрания в начале двадцатых начали перераспределяться по новообразованным библиотекам, в том числе при заводах и фабриках, где существовали литературные кружки. Колоссальные объемы ценнейших изданий конца XVIII — первой половины XIX века были влиты в фонды таких книгохранилищ. Поэтому «массовый» читатель мог знакомиться (и зачастую знакомился) с текстами *классиков* не по изданиям гизовской «Дешевой библиотеки», а по прижизненным сборникам и альманахам.

Изучение и усвоение *мировоззренчески чуждой* имперской культуры происходило благодаря обнаружению в ней идеологически актуальных смыслов, смежных с дискурсивным полем социалистической культуры. В 1920-е годы из обломков «старой» культуры постепенно складываются основания советской эстетической теории: ее материальную основу составляла некогда отвергнутая *классика*, методологическую — *реализм*, а мировоззренческую — *народность*. Три эти понятия в эстетическом сознании эпохи означали тождественные категории, но разнесенные по разным уровням единой в своей основе дискуссии.<sup>19</sup> В данной связи не вызывает удивления тот факт, что размышления о *народности* в писательском творчестве почти всегда смыкались с обсуждением проблемы *реализма* и его места в литературной культуре первой трети XIX века, — ср., например, в более поздней, 1937 года, статье Александрова: «Народность и реализм в пушкинском искусстве — не отдельно друг от друга существующие особенности этого искусства. Объективное отражение действительности необходимо предполагает объективное отражение народа, с его чаяниями и стремлениями; так эти чаянья и стремления проникают в пушкинское искусство; оно реалистично и поэтоу народно. И наоборот: оно народно и поэтоу

Омулевский — они прошли примерно от 7 до 12 тысяч. Грибоедов, Гаршин — по 10 000. За короткое время прошел Лев Толстой, только «Война и мир» не ниже 10 000, а прочее в 50% лежит. Средне прошли Достоевский, Короленко, Чехов, Лермонтов — имеют среднее движение. Плохо идут — Добролюбов, Овсяннико-Куликовский (его я также причислил, не знаю, вправе ли я был это делать). Он стоит из 10 000, и Добролюбова, и Овсяннико-Куликовского, 8000 обратилось в прах. <...> Тютчев и Тургенев идут плохо. Пушкин — из 10 000 лежит 8000» (Стенограмма Всероссийской конференции пролетарских писателей, 11 января 1925 г. // ОР ИМЛИ, ф. 155, оп. 1, № 48, л. 33).

<sup>19</sup> Альтернативный взгляд, апеллирующий исключительно к эстетико-идеологической стороне вопроса, см.: *Балина М. Р.* Идеинность — классовость — партийность // *Соцреалистический канон: Сб. статей.* СПб., 2000. С. 362—376; *Гюнтер Х.* Тоталитарная народность и ее истоки // Там же. С. 377—389.

О. С. ПУШКИНОЙ.

Настъ случай свелъ ; но не слѣпцемъ меня  
къ тебѣ онъ влекъ необходимой силой :  
Позна друга, сестра и тенейъ милой,  
По сердцу ты и мы давно родня.

Такъ, въ памяти сердечной безъ запаша  
Мечта о немъ горитъ теперь живѣй :  
Я полюбить въ тебѣ сначала браня ;  
Братъ по сестрѣ еще мы стали милѣй.

Удѣлъ его : блескъ славы вѣчнольстивой,  
Но часто намъ сіяющій изъ тучъ ;  
И опъ нея ударитъ яркій лучъ  
На жребій твой въ безпечности счастливой.

Но для него ты благотворишь будь :  
Съѣли ему зѣздою безмяшежной,  
И въ бурной мглѣ опрадой, ахъ, доброй вѣжной  
Ты услаждай тоскующую душу.



Страница из альманаха «Северные цветы на 1826 год, собранные Бароном Дельвигом» (СПб.: Типография Департамента народного просвещения, 1826) со штампом библиотеки Государственного завода специальных сталей им. МОПРа



реалистично. Объективность не обозначает какого-то равнодушия, бесстрастия; такое объективное отражение становится возможным лишь благодаря личной, эмоциональной связи, лишь благодаря тому, что художник любит эти народные массы».<sup>20</sup> При этом, разумеется, «прогрессивная», «демократическая» народность пушкинского творчества не имела, с точки зрения советских теоретиков, ни малейшего отношения к сформулированной С. С. Уваровым теории так называемой «официальной народности», исказившей саму суть этого понятия.<sup>21</sup>

Вопрос о народности пушкинского творчества, по существу своему лишенный конкретного историко-литературного содержания, тем не менее имеет принципиальное значение для истории советского академического литературоведения и литературной критики первой половины минувшего столетия.<sup>22</sup> Признание Пушкина

---

<sup>20</sup> Александров В. Пугачев: (Народность и реализм Пушкина) // Литературный критик. 1937. № 1. С. 44.

<sup>21</sup> Особое внимание этой принципиальной дифференциации уделили авторы статьи о Пушкине для 10-томной «Истории русской литературы» — ср.: «Сущность идеи “официальной народности” выражалась в провозглашении синтеза трех начал — “самодержавия, православия и народности”, на базе которых должно было строиться “благоденствие России”. Понятие народности при этом, конечно, злостно искажалось: русский народ представлялся воплощением смирения и покорности, беззаветной преданности церкви, престолу и помещику (Гиппиус В. В., Мейлах Б. С., Орлов А. С., Слонимский А. Л., Якубович Д. П. Пушкин // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1953. Т. 6: Литература 1820—1830-х годов. С. 306).

<sup>22</sup> См. вполне обстоятельное и подробное обсуждение этого вопроса в специальных работах 1930—1940-х годов: Виноградов И. Путь Пушкина к реализму // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 69, 73—88; Азадовский М. К. 1) Источники сказок Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 135—137, 161—163; 2) Пушкин и народность // Большевицкая печать. 1937. № 2—3. С. 63—66; Щербина В. Понятие народности у Белинского // Литературный критик. 1936. № 6. С. 175—187; Александров В. Пугачев: (Народность и реализм Пушкина) // Там же. 1937. № 1. С. 17—45; Соколов Ю. Пушкин и народное творчество // Там же. С. 121—150; Гришкин А. Пушкин и проблема народности // Литературный современник. 1937. № 1. С. 112—124; Рыбникова М. А. Пушкин как защитник простоты и народности в языке // Русский язык в школе. 1937. № 1. С. 35—46; Гус М. Народность Пушкина // Тридцать дней. 1937. № 2. С. 52—61; Бойчевский В. Народность в творчестве А. С. Пушкина // Экономическая жизнь. 1937. № 19. 6 февраля. С. 2; Муравьев Вл. О народности Пушкина // Литературная учеба. 1937. № 3. С. 19—24; Жданов Н. К вопросу о народности в литературе // Звезда. 1938. № 2. С. 199—209; Пиксанов Н. Народность литературы // Народное творчество. 1938. № 12. С. 11—16; Андреев Н. П. Пушкин и народное творчество // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1938. Т. 14. С. 39—69; Гуриштейн А. Проблемы социалистического реализма. М., 1941. С. 59—60, 70—71; Томашевский Б. В. Пушкин и народ-

подлинно народным (а позднее и национальным) автором включало его в число «учителей» начинающих писателей. Одним из первых предпринял попытку теоретизировать фигуру «классика» Л. Л. Авербах: «Мы знаем, что классики есть вершина того литературного наследства, которое мы получили от прошлого мира, завоеванного нами экономически и политически. Мы знаем, что классики есть та вершина, на которую нам надо подняться и преодолеть, чтобы идти вперед. <...> Для меня классики — это те, кто значительные идеи, отражающие сущность их эпохи, психологически-глубоко и совершенно художественно преломляют в живых и живущих образах. А если так, то ясно, что наследовать классиков может только тот, кто представляет собою передовую идею своей эпохи. В наше время такими являются пролетарские писатели».<sup>23</sup> Построения Авербаха стали отправной точкой для Бернхарда Райха, в апреле 1928 года выступившего с дискуссионной статьей «О классиках».<sup>24</sup> В ней критик писал: «Для нас “культурное наследие” означает не заимствование отдельных элементов подходящих нам идеологий, а использование культурных ценностей во всей их совокупности для укрепления наших сил с целью в возможно более краткий срок преодолеть это наследие».<sup>25</sup> Иначе говоря, «учеба» начинающего писателя не должна была исчерпываться формальными «уроками мастерства». Начинаящему автору следовало ощутить себя частью целокупной художественной традиции, осознать преемственность своей творческой практики.<sup>26</sup>

ность // Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.; Л., 1941. С. 67—100 (то же с позднейшими изменениями: *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824—1837). С. 106—153); *Еголин А.* Патриотизм и народность Пушкина // Новый мир. 1942. № 1—2. С. 206—212. Примечательно, что вопрос о народности пушкинского творчества сохраняет актуальность и в послесталинские годы — см. хотя бы: *Берковский Н. Я.* О «Повестях Белкина»: (Пушкин 30-х годов и вопросы народности и реализма) // О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы: Сб. статей. М.; Л., 1960. С. 94—207.

<sup>23</sup> Авербах Л. Л. Культурная революция и вопросы современной литературы. М.; Л., 1928. С. 76, 78. Против такой безапелляционной апроприации «классики» выступили многие критики марксистской ориентации (см., например: *Горбачев Г. Е.* О самозванных душеприказчиках «культурного наследства»: Налитпостовцы и «учеба у классиков» // Горбачев Г. Е. Полемика. М.; Л., 1931. С. 138—149).

<sup>24</sup> О Publ.: На литературном посту. 1928. № 8.

<sup>25</sup> Райх Б. О классиках // На литературном посту. 1928. № 8. С. 36.

<sup>26</sup> Не случайно В. В. Ермилов, указывая на подлинный смысл лозунга «учебы у классиков», позднее провозглашал: «Учитесь у кого угодно, но учитесь так, чтобы находить у данного писателя то, что поможет созданию диалектико-материалистического творческого метода, — вот основное, что говорим мы пролетар-

Таким образом, начинающему писателю, занятому «учебой у классиков», следовало воспринять и усвоить не техническое мастерство, а идеологическую модальность *классических* текстов. В этом отношении *народность* пушкинского творчества из привнесенного идеологического содержания превращалась в его подлинную сущность. По сути, ранее не существовавшая в пределах академического пушкиноведения<sup>27</sup> проблема *народности* проникает в него, с одной стороны, из паралитературной публицистики революционно-демократического и народнического толка середины — второй половины XIX века<sup>28</sup> (преимущественно из сочинений В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова и отчасти Ф. М. Достоевского), а с другой —

ским писателям в вопросе об использовании наследства» (Творческая дискуссия в РАППе: Сб. стенограмм и материалов III Областной конференции ЛАПП, 15—21 мая 1930 г. [Л.], 1930. С. 174; позднее текст выступления Ермилова вышел отдельной брошюрой: *Ермилов В. В.* Наши творческие разногласия: Доклад и заключительное слово по докладу на 3-ей Ленинградской областной конференции пролетарских писателей. М., 1930).

<sup>27</sup> В этом отношении примечательно положение в докладе Н. К. Пиксанова «Итоги советского пушкиноведения 1917—1937 годов» на Пушкинской конференции в начале февраля 1937 года: «Поставленная руководящими органами советской общественности проблема *народности* заставляет пушкиноведение коренным образом пересмотреть прежние историко-литературные определения Пушкина. На только что пройденном этапе советского литературоведения проблема народности отсутствовала в историко-литературных построениях и анализах — частью в силу отталкивания от старых идеалистических и реакционных определений народности, частью в силу вульгарного социологизма с его стремлением закреплять писателя за той или иной узкой социальной или сословной группой. Отталкиваясь от вульгарного социологизма и от либерально-идеалистического истолкования Пушкина, исходя из марксистско-ленинского понимания народности, пушкиноведы должны создать ряд исследований народности в языке и стиле Пушкина, в его восприятиях фольклора, в соотношениях народности и реализма» (цит. по: *Турчаненко В. В.* Подводя итоги советского пушкиноведения: Доклад Н. К. Пиксанова на Пушкинской конференции 1937 года // Новое литературное обозрение. 2022. № 5 (177). С. 128—129; см. также: *Турчаненко В. В., Цыганов Д. М.* Пушкин наш, советский! Очерки по истории пушкиноведения сталинской эпохи: (Идеи. Проекты. Персоны). М., 2025. С. 353).

<sup>28</sup> Однако даже в сочинениях рубежа XIX—XX веков вопрос о *народности* возникает sporadически и не становится ключевым эстетико-идеологическим свойством пушкинских текстов — ср., например: *Аксаков И. С.* Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 37, 59; *Волконский С.* Очерки русской истории и русской литературы: Публичные лекции, читанные в Америке. СПб., 1896. С. 28; *Рождественский С. В.* Пушкин: Черты внутреннего облика. М., 1899; *Булич Н.* Народность пушкинской поэзии // А. С. Пушкин в его значении художественном, историческом и общественном: Из речей и статей о Пушкине. М., 1901. С. 36—40 (2-е изд.: М., 1905. С. 43—58); *Трубицын Н.* О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века: (Очерки). СПб., 1912. С. 408—421. См. также: *Потебня А. А.* Язык и народность // Вестник Европы. 1895. № 9. С. 5—37 (позднее републ. в изд.:

из предельно идеологизированной и полностью контролировавшей-ся партийными органами сферы «массового» чтения и в том числе оргработы с начинающими писателями в литературных кружках,<sup>29</sup> ориентированных на упомянутые литературно-критические «открытия» по части идеологической оснастки пушкинских текстов. Словом, пушкинская простота вкупе с деклариовавшейся народностью его творчества не только возвели поэта в ранг «классиков-учителей», но и сделали возможным повсеместное внедрение его произведений в культмассовых целях.

\* \* \*

Публикуемые ниже два протокола (от 28 декабря 1929 года и 4 января 1930 года) занятий литературного кружка «Мотор»<sup>30</sup> при Подольском государственном механическом заводе полностью посвящены обсуждению пушкинского творчества. Занятия проходили в воскресные дни во Дворце труда или Клубе металлистов (руководитель М. И. Беккер;<sup>31</sup> секретарь М. В. Знаменский<sup>32</sup>) по программам, которые разрабатывались в ассоциациях пролетарских писателей и рассылались «руководам» литературных кружков.

Потебня А. А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. С. 159—198).

<sup>29</sup> См.: Москвитин Д. С., Романова О. В. Лозунг «одеждынивание» как программа воспитания пролетарского писательства // Вестник славянских культур. 2024. Т. 72. С. 167—176.

<sup>30</sup> Материалы, связанные с работой этого литературного кружка, хранятся в Отделе рукописей ИМЛИ РАН — см.: ОР ИМЛИ, ф. 158, оп. 1, № 134 («Мотор». Литературный кружок. Протокол занятия, 28 декабря 1929 г.), 135 («Мотор». Литературный кружок. Заявления о приеме в члены и автобиографии разных лиц, [1929]), 136 (Отчет о литературном кружке «Мотор», [1931]), 296 (Районные ассоциации пролетарских писателей. Планы, списки, обращения. Сведения о районных кружках МАПП, [1930—1931]), 307 (Подольская ассоциация пролетарских писателей. Протоколы, резолюции, планы, отчеты, переписка и др. материалы, [1929—1932]).

<sup>31</sup> См. примеч. 21 к приведенному ниже протоколу от 28 декабря 1929 года.

<sup>32</sup> Мстислав Владимирович Знаменский (1912—1942) — секретарь литературного кружка «Мотор», начинающий писатель. С 1924 года публиковал заметки в губернской газете «Тверская правда». В 1926 году в 13-летнем возрасте опубликовал «первое литературное, если можно так назвать, произведение» — рассказ «Пионеры» в пионерской газете «Ленинские внушата». В 1928 году в комсомольской газете «Смена» напечатал стихотворение «Мопровцам»; в том же году, переехав в Подольск, вступил в литературную группу «Закал» при редакции «Подольского рабочего», позднее и преобразованную в литературный кружок «Мотор». Позднее переехал в Москву, где работал в газете «Гудок». Подробнее см.: Знаменский М. В. Автобиография [1929] // ОР ИМЛИ, ф. 158, оп. 1, № 135, л. 3—4 об.

История литературного кружка «Мотор» связана с деятельностью литературной группы «Закал», действовавшей при редакции газеты «Подольский рабочий» во второй половине 1920-х годов.<sup>33</sup> Изначально кружок был связан с Подольским государственным механическим заводом. Однако вскоре «Мотор» расширил институциональные и организационные границы: в его состав вошли сотрудники других предприятий. Работа кружка была тесно связана с деятельностью крупных литературных организаций — ВОКП (Всероссийское общество крестьянских писателей), РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) и МАПП (Московская ассоциация пролетарских писателей). После начала призыва ударников в литературу в конце 1920-х — начале 1930-х годов «Мотор» был включен в систему централизованного руководства, окончательно перейдя в подчинение МАПП.<sup>34</sup> Тем не менее «Мотор» сохранил некоторые элементы автономии. Тематика занятий в низовых литературных объединениях определялась руководителями в соответствии со спускаемыми свыше инструкциями.<sup>35</sup> Содержание занятий не ограничивалось программными рамками. Согласно протоколам заседаний кружка за 1929—1930 годы, его участники под руководством Беккера обращались, например, к разбору произведений Кантемира, Ломоносова, Державина,<sup>36</sup> что в ряде случаев противоречило директивным установкам. Дело в том, что архивные материалы фонда МАПП фиксируют лишь единичные случаи включения пушкинских произведений в программы. Таким образом, «Мотор» демонстрировал соединение официальных установок «сверху» с инициативой руководителя кружка «снизу». Кроме того, в 1929 году вышел в свет литературно-художественный сборник «За новую жизнь».<sup>37</sup> Появление этого сборника свидетельствует о сравнительно высокой степени организованности и квалификации участников кружка.

В ходе упомянутой кампании по призыву ударников в литературу «Мотор» был назначен одним из ее кураторов в Подольске. Од-

---

<sup>33</sup> Ср. в автобиографии Знаменского: «В 1928-м году, приехав в город Подольск, я тотчас же вступаю в литературную группу “Закал”, находившуюся тогда при редакции “Подольский рабочий”. Сейчас же эта группа преобразована в литературный кружок “Мотор”, где по сей день и пребываю» (ОР ИМЛИ, ф. 158, оп. 1, № 135, л. 4—4 об.).

<sup>34</sup> См.: Отчет о литературном кружке «Мотор», [1931] // Там же, № 136, л. 1.

<sup>35</sup> См.: Инструкция Райбюро всем секретарям и руководителям литкружков, [без даты] // Там же, № 182, л. 89.

<sup>36</sup> См.: Протокол № 1 занятия литературного кружка «Мотор», 23 ноября 1929 г. // Там же, № 307, л. 1—2.

<sup>37</sup> За новую жизнь: Литературно-художественный сборник кружка поэтов и писателей «Мотор». М.; Подольск: Изд-во Подольского литкружка, 1929.



Титульный лист сборника «За новую жизнь:  
Литературно-художественный сборник кружка поэтов и писателей  
“Мотор”» (М.; Подольск: Изд-во Подольского литкружка, 1929)

нако итоги работы кружка были признаны неудовлетворительными. Вскоре актив литературного объединения был обвинен в «невыполнении программы»: часть участников исключили из состава (Бояркин, Палладин, Сухарев); другие же перешли в новые заводские кружки, созданные под эгидой РАПП.<sup>38</sup>

Тексты протоколов публикуются по рукописным оригиналам, сохранившимся в материалах архивного фонда Московской ассоциации пролетарских писателей (ОР ИМЛИ, ф. 158 (МАПП)) из архивного собрания Отдела рукописей ИМЛИ РАН, без содержательных изъятий и сокращений, с сохранением присущих документам особенностей (правки, вычеркиваний, вставок и проч.). В комментариях к каждому документу указан его архивный шифр. Явные опiski и случаи несоответствия правилам современной грамматики, не имеющие смыслового, стилистического или культурно-исторического значения, исправлены нами без всяких оговорок. Даты создания (при их наличии) в унифицированном виде вынесены под заглавия документов. После каждого документа следуют комментарии, разъясняющие отразившиеся в нем исторические, биографические и иные контекстуальные подробности.

1.  
ПРОТОКОЛ <6./№>  
ЗАНИЯТИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО КРУЖКА «МОТОР»  
ПРИ ПОДОЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ  
МЕХАНИЧЕСКОМ ЗАВОДЕ

28 декабря 1929 года

<М.> Модников.<sup>1</sup> «Социально-политические настроения Пушкина». К Пушкину необходимо относиться критически. В его время господствующим классом было дворянство. Политика Александра I после войны 1812 года значительно изменилась. Началось гонение на просвещение, каковое вызвало движение декабристов. У Пушкина с декабристами была связь в виде близкого знакомства с рядом из них. В период этой связи с декабристами мы замечаем у него творческ<и>й подъем. Он чрезвычайно плодovit. Изучая творчество Пушкина этого периода, мы должны, однако, констатировать, что поэт пишет не от разума, но от сердца. Лучшим произведением этого времени является «Послание к Чаадаеву».<sup>2</sup> В нем поэт выра-

<sup>38</sup> См.: Протокол № 1 занятия литературного кружка «Мотор», 23 ноября 1929 г. Л. 43—46.

жает отношение молодежи к свободе. Однако ожидание свободы поэт сравнивает с ожиданием «любовником молодым минуты сладкого свиданья».<sup>3</sup> Это звучит индивидуалистически. Но заканчивает послание поэт пророчески: Россия «на обломках самовластья / Напишет наши имена!».<sup>4</sup>

«Ода вольность»<sup>5</sup> трактует о том, что, если цари дадут свободу, то их троны окажутся в безопасности. В этом стихотворении две части. Одна часть посвящается описанию деревенской природы. Поэт перед нами разворачивает пейзаж, полный идиллии, мечтательности. Поэт любит сам этим пейзажем и вас заставляет любоваться им. По мнению поэта, в деревне налицо все условия, чтобы «зреть творческим думам в душевной глубине поэта».<sup>6</sup> Вторая часть «Деревни» описывает жестокую действительность того времени. «Рабство тощее влачится по браздам неумолимого владельца».<sup>7</sup> Выход поэт видит в том, что рабство должно пасть «по манию царя».

Подавление декабрьского восстания вызвало «Послание в Сибирь» <sic!>. Пушкин в этом послании утешает декабристов не только надеждой на освобождение, на амнистию, но возможностью близкой революции, причем братья отдадут освобожденным узникам меч на борьбу с царем.

<Д.> Долинин.<sup>8</sup> «Пушкин в жизни».<sup>9</sup> По <В. В.> Вересаеву.

Докладчик приводит ряд мелочей, характеризующих Пушкина как человека. Особенно интересной мелочью докладчик считает то, что Пушкин 8 лет от роду уже писал стихи на французском языке. Африканская природа сказывалась в его чрезмерной вспыльчивости. На всех, кто вторгся в его комнату, когда он занимался писанием стих<ов>, он накидывался, позабывая об элементарных формах приличия. То же самое происходило, когда кто-нибудь едкой шуткой или насмешкой задевал его: Пушкин тут же вызывал на дуэль. Не лишено любопытства [еще и то] отношение к декабристам. Ценя Пушкина как великого поэта, а отчасти боясь, что он по своей неводержанности может разболтаться, декабристы решили не посвящать его в свои дела, и Пушкин был очень огорчен, почувствовав бессилие свое, чтоб приподнять таинственную завесу, какую было закрыто от него подготовка декабрьского восстания.

<И.> Палладин.<sup>10</sup> «Лирика Пушкина».

Лирика Пушкина имеет народный характер. Он один из немногих, сумевший создать своей лирикой в народе восторг. Недаром в своем стихотворении «Памятник» он говорит: «Долго тем полезен буду я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал» <sic!>.

В лирике Пушкина пор<а>жает разнообразие формы и содержания. При изображении природы он достигает того, что она нами



чувствуется во всем своем могуществе, величии и красоте. Поэт преклоняется перед природой, пережившей несколько человеческих поколений.

«Послание к друзьям» <sic!> отличается сердечностью. Политические послания его обнаруживают дальновидность поэта. В лирике Пушкин русский с головы до ног. Главным достоинством его лирики надо считать то, что он выявил социальную среду своего народа.

Духанина<sup>11</sup>. «Отличительные особенности лирики Пушкина».

Наибольшей ценностью в лирике считается эмоция. Эффект достигается образностью. Главные особенности лирики Пушкина — это ее объективность, поэтическая возвышенность над суетой и жизнерадостность. Кроме того, его произведения отличаются уравновешенностью <ю> настроения, выраженного в них. Например: «Мадонна», «Зимнее утро».

У Пушкина есть стихотворения символические, попадают мистические. Душевная жизнь поэта, подверженная всякого рода интригам, не нашла отражения в его лирике. Он не пишет о мышиной норе человека. Возьмем его стихотворения: «Поэт и чернь», «К поэту» <sic!>. В них проявляет полн<ую> самостоятельность творческая гордость. Чувства выражены не так, как переживается людьми, но стихотворения представляют фиксацию возвышенных устремлений поэта. В «Моцарт <е> и Сальери» поэт изображает зависть, что поэтам удается трудно. В «Скупом рыцаре» в монологе барона поэт проводит эмоцию скупости. Словом, Пушкин для нашего времени полезен своим бодрым, жизнерадостным тоном. Например<,> в стихотворении «Брожу ли я вдоль улиц шумных»>: «И пусть у гробового входа / Младая будет жизнь играть, / И равнодушная природа / Красою вечною сиять».

Бояркин.<sup>12</sup> «Брожу ли я вдоль улиц шумных».

Дуб, младенец, все в нем вызывает мысли о смерти.

<В.> Шурушин.<sup>13</sup> Разбор стихотворения «Бесы». Это произведение символическое. Пейзаж социально обоснован. Действующие лица: ямщик и барин. Бесы занимаются житейскими делами: хоронят и выдают замуж. Автор захватывает мистикой читателя. Бесы водят <...> Вы на всем протяжении стихотворения переживаете напряженное состояние. Эмоция, выражающая вой бесов, завершает это стихотворение.

<В. И.> Шапошникова.<sup>14</sup> «Я помню чудное мгновенье».

Рядом с Михайловск<и>м было имение помещицы <П. А.> Осиповой «Тригорское», где в 1826 году Пушкин познакомился с А. П. Керн. Пребывание в Михайловском было плодотворно для Пушкина. III, IV и V главы «Евгения Онегина» написа-

ны там. В произведении «К А. П. Керн» <sic!> много эмоций. Оно написано четырехстопным ямбом.

<В.> Рыбаков.<sup>15</sup> «Пророк».

Пушкин рассказывает в этом стихотворении о поэте. Сюжет взят из Священного Писания, в котором он нашел соответствие своей мысли. Пушкин говорит, что он ничего не видел и не слышал, пока до него не коснулся Серафим, говорит то, что повествует о себе пророк Исайя.

<А.> Сухарев,<sup>16</sup> начавший прения, говорит, что, по мнению <М. Д.> Марич,<sup>17</sup> Пушкина любили как талантливого человека, а потому и берегли его. Вследствие этого очень осторожно относились к Пушкину по поводу того, вступать или не вступать ему в общество декабристов. В этом вопросе играла роль болтливость африканской натуры. Пушкин отрешивается от дворянства. Он говорит: «Я просто русский мещанин / И не хочу с дворянством знаться».<sup>18</sup>

Пушкин, говоря: «Подите прочь, какое дело / Поэту мирному до вас»,<sup>19</sup> — разумеет под чернью дворянскую знать, и не прав Писарев, говоря поэту: «А ты в чем варишь пищу: не в Апполоне <sic!> ли Бельведерском».<sup>20</sup> Сухарев останавливается на шепетильности и самостоятельности поэта. Поднятие пальца заставляло вызывать на дуэль. А однажды Пушкин пришел на бал в панталонах, которые просвечивали насквозь. Один раз среди цыган нашли перодетого дворянина Пушкина. Поэт любил осень. Она своей грязью приковывала его к месту, давала возможность работать. В творческой работе Пушкин много работал над словом. Эпитет к художнику «взыскательный» достался ему после больших усилий.

Шуршин. В творчестве Пушкина мы отмечаем разнообразие формы. Поэт разрушает застывшие формы стиха.

Рыбаков. (На доклад Духаниной). Музыка стиха отражает вибрацию души поэта.

(На доклад Шапошниковой). Женщина имеет большое значение в жизни людей, как это нам показывает лирика Пушкина.

Паллад<ин> (на доклад Сухарева). Пушкин вызывал на дуэль близких друзей. Он даже дрался с <В. К.> Кюхельбекером.

(На доклад Долинина). Отец Пушкина и его дядя писали стихи, поэтому нечего удивляться, что он рано начал писать стихи.

Долинин. «Пророк» — стихотворение символическое. Провидение и прослышание — атрибуты <sic!> настоящего поэта — дают ему возможность словом жечь сердца людей.

<М. И.> Беккер.<sup>21</sup> Заключительное слово.

Пушкин — большой поэт.

Возьмем стихотворение «Пророк». Прежде всего бросается в глаза древний библейский стиль.

О стихотворении «К А. П. Керн» <sic!> недостаточно сказать, что оно хорошее, прекрасное, как говорит Шапошникова. Надо упомянуть, как Пушкина преследовали учителя за его безбожие и заставили написать статью о вреде безбожия, на что Пушкин откликается неискренним стихотворением. Надо упомянуть о лицейском вечере, на котором присутствовал <Г. Р.> Державин и где произошло рождение поэта.

Пушкин не был скуп, не был стяжателем. Катаясь с отцом на лодке, он бросал золотые червонцы в воду, и ему нравилось наблюдать, как досадовал отец его.

Объективный художник отражает все, что во вне его, — субъективный — все, что в нем.

Пушкин в полном смысле слова осуществляет оптимизм, в нем много жизнерадостности, но кто лучше передает грусть, предчувствие смерти.

Писарев говорит, что чисто со стороны социальной Пушкин дает в «Евгении Онегине» мир блестящим, напоминающий «счастливую Аркадию». Крестьянина изображает в легких тонах, тон берет оптимистический и замалчивает противоречия. А таковые были, что подтверждает восстание декабристов.

Пушкин был сын класса дворян.

<К. Ф.> Рылеев писал ему: «Ты сделался аристократом, чванишься пятисотлетним дворянством, когда и без этого ты молодец».<sup>22</sup>

Под конец Пушкин критически относился к своей родословной.

В разборе каждого автора важно найти связь произведений между собою.

«Пророк» имеет символическое значение. Пушкин заразился декабристским восстанием. Пророк должен жечь глаголом сердца людей.

<М. О.> Гершензон<sup>23</sup> говорит, что «Бесы» написаны в ноябре.

Вхождение в мундир царя было для Пушкина мучением. Это для него значило, что он должен сгибать спину перед сильнейшими мира сего. На приветствие царя он сказал: «Государь, это вы меня впервые поздравляете».

На парадных придворных вечерах Пушкин является в гражданском костюме, подчеркивая этим протест. Затем начинаются против него интриги. Когда он начал заниматься историей, он получил письмо, где его называли историографом рогоносцем. С этого началось, и кончилось дуэлью и смертью.

Поэзия — это символ, выражающий взгляд Пушкина на поэзию. Пушкин не был религиозен. Основное, что поражает в творчестве Пушкина, — это широкий охват явлений и умение его переплощаться.

«Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери» — этому доказательству.

В «Евгении Онегине» автор рисует несколько явлений любви. В «Цыганах», «Руслане и Людмиле» — проблема любви. Предметом внимания Пушкина является, однако, не одна проблема любви, но социальное содержание, — любовь же играет роль аккомпанемента.

«Брожу ли я вдоль улиц шумных...»

<Д. Н.> Овсяннико-Куликовский говорит, что лирика есть не род образного искусства, но эмоционального.<sup>24</sup> Свойства лирики Пушкина — это легкость стиля и умение пользоваться звуками. Звук «у» выражает грусть.

Патриарх лесов — дуб. Гибкость, выразительность стиха, образная скупость — лучшие качества поэзии Пушкина. «Бесы» написаны хореем, или, как называет <И. С.> Рукавишников,<sup>25</sup> плясовым размером; там часты повторения: «страшно», «страшно», «еду», «еду».

«Буря мглою небо кроет» написано в селе Михайловском и посвящено няне Пушкина. Профессор <И. А.> Сикорский<sup>26</sup> разделяет образы на слуховые, зрительные, моторные и общего порядка. У слепого Мильтона его «Потерянный Р<ай>» насыщен образами зрительного порядка. Пушкин же в этом стихотворении пользуется образами всех порядков в гармоническом сочетании.

ОР ИМЛИ, ф. 158, оп. 1, № 134, л. 1—5. Рукопись.

<sup>1</sup> М. Модников — член литературного кружка «Мотор». Биографические сведения, анкетные данные и прочие документальные свидетельства в архивном фонде МАПП не сохранились.

<sup>2</sup> Приведенный в тексте вариант заглавия стихотворения «К Чедаеву» (1818) встречается в ряде источников (см.: II, 1043). Однако, по-видимому, протокол был записан позднее под диктовку, поэтому название стихотворения попросту приведено неточно — с включением жанрового определения; ср. ниже, примеч. 5.

<sup>3</sup> Ср. в Полном собрании сочинений А. С. Пушкина: «Как ждет любовник молодой / Минуты верного свиданья» (II, 72). Приведенный в тексте вариант строки встречается в ряде изданий (см.: II, 1044). Кроме того, стихотворение с этим вариантом строки было напечатано в изд.: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч. со сводом вариантов*: В 3 т. и 6 ч. / Ред., вступ. статьи и коммент. В. Я. Брюсова. М., 1919. Т. 1. Кн. 1. С. 129. По-видимому, именно по этому изданию кружковцы и знакомились с лирическими текстами Пушкина.

<sup>4</sup> См. выше примеч. 3.

<sup>5</sup> Приведенный в тексте вариант заглавия стихотворения «Вольность» (1817) встречается в ряде источников (см.: II, 1031). Однако, по-видимому, протокол был записан позднее под диктовку, поэтому название стихотворения попросту приведено неточно — с включением жанрового определения; ср. выше в примеч. 2.

<sup>6</sup> Измененная цитата из стихотворения «Деревня» (1819) (см.: II, 90).

<sup>7</sup> Стихотворение с этим вариантом строки было напечатано в: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. со сводом вариантов. С. 121.

<sup>8</sup> Д. Долинин — член литературного кружка «Мотор». Биографические сведения, анкетные данные и прочие документальные свидетельства в архивном фонде МАПП не сохранились.

<sup>9</sup> По-видимому, члены кружка знакомились с работой В. В. Вересаева «Пушкин в жизни» по изданию «Недр» — см.: *Вересаев В. В. Пушкин в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников*. М.: Изд-во Моссовета «Новая Москва», 1926—1927. Вып. 1—4 (Литературно-художественная библиотека «Недра»).

<sup>10</sup> Иван Палладин — член литературного кружка «Мотор». Биографические сведения, анкетные данные и прочие документальные свидетельства в архивном фонде МАПП не сохранились.

<sup>11</sup> Духанина — член литературного кружка «Мотор». Биографические сведения, анкетные данные и прочие документальные свидетельства в архивном фонде МАПП не сохранились.

<sup>12</sup> Бояркин — член литературного кружка «Мотор». Биографические сведения, анкетные данные и прочие документальные свидетельства в архивном фонде МАПП не сохранились.

<sup>13</sup> Василий Шуршин (1904—?) — член литературного кружка «Мотор», корреспондент заводской газеты «Наша правда» при Подольском государственном механическом заводе. Подробнее см.: *Шуршин В. Автобиография* // ОР ИМЛИ, ф. 158, оп. 1, № 135, л. 7—9.

<sup>14</sup> Варвара Ивановна Шапошникова — член литературного кружка «Мотор», фрезеровщица на Подольском государственном механическом заводе. Подробнее см.: Протокол совещания штаба литературного кружка «Мотор» с представителями Культполитсовета Райзавкома, 29 октября 1930 г. // ОР ИМЛИ, ф. 158, оп. 1, № 307, л. 9.

<sup>15</sup> В. Рыбаков — член литературного кружка «Мотор». Биографические сведения, анкетные данные и прочие документальные свидетельства в архивном фонде МАПП не сохранились.

<sup>16</sup> Аркадий Сухарев (1909—?) — член литературного кружка «Мотор». В 1928 году во время литмощера получил первое место по уезду. Печатался в уездной газете «Подольский рабочий», а также в региональной молодежной газете ЦК ВЛКСМ «Молодой ленинец». Подробнее см.: *Сухарев А. Автобиография с приложением заявления* // ОР ИМЛИ, ф. 158, оп. 1, № 135, л. 6.

<sup>17</sup> Мария Давыдовна Марич (наст. фам. Чернышева; 1893—1961) — писательница и драматург. В 1920—1930-е годы написала серию рассказов, в центре которых жизнь Пушкина; позднее эти тексты были объединены в изд.: *Марич М. Д. Ссылочный невольник: [Рассказы об А. С. Пушкине]*. М.: Журнально-газетное объединение, 1937.

<sup>18</sup> Измененная цитата из стихотворения «Моя родословная» (1830) (см.: III, 261).

<sup>19</sup> Цитата из стихотворения «Поэт и толпа» (1928) (см.: III, 142).

<sup>20</sup> Измененная цитата из статьи Д. И. Писарева «Лирика Пушкина» (опубл.: Русское слово. 1865. № 6), входящей в цикл «Пушкин и Белинский».

<sup>21</sup> Михаил Иосифович Беккер (1900—1942) — литературный критик и литературовед, автор ряда работ о советской литературе (в основном о пролетарских писателях): «Поэты и писатели красной молодежи: (Опыт характеристики комсомольской художественной литературы)» (М.; Л.: Гудок, 1925), «Пролетарский литературный молодец» (М.: Огонек, 1928), «Писатель за работой» (М.: ВОКП, 1928), «Ленин в художественной литературе» (М.: Огонек, 1929), «Поэтессы: Литературно-критические очерки» (М.: Огонек, 1929), «Художественная литература в агитации» ([М.]: Московский рабочий, 1940), «Художественная литература в антифашистской агитации» (М.: Госполитиздат, 1941; то же: Казань: Татгосиздат, 1942), а также ряда статей по смежным вопросам. Руководил литературными кружками с 1928 года. Подробнее о деятельности руководителя см.: Беккер М. О. Учетная карточка руководителя, 3 февраля 1933 г. // ОР ИМЛИ, ф. 41, оп. 1, № 599, л. 4. См. также упоминание Беккера в документе: Списки членов актива МАПП, списки лиц, могущих быть руководителями литкружков, консультантов [1932] // ОР ИМЛИ, ф. 158, оп. 1, № 370, л. 1.

<sup>22</sup> Неточная цитата с пропусками из письма К. Ф. Рылеева А. С. Пушкину от июня 1825 года — ср.: «Ты сделался аристократом; это меня рассмешило. Тебе ли чваниться пятисотлетним дворянством? И тут вижу маленькое подражание Байрону. Будь ради бога, Пушкиным. Ты сам по себе молодец» (XIII, 183).

<sup>23</sup> Михаил Осипович Гершензон (1869—1925) — историк литературы и общественной мысли, публицист, переводчик, автор ряда работ о творчестве А. С. Пушкина. В протоколе допущена ошибка. В работе «Мудрость Пушкина», к которой, очевидно, апеллирует Беккер, читаем: «На другой стороне того же листка оказался перебеленный текст “Делибаша”, — он и его исправил уже заодно, и подписал “7 сент.” уже без обозначения места. Затем в этот же день он написал “Бесов”, подписав под ними полностью: “1830 7 сентября Болдино”. Итак, “Бесы” написаны в начале сентября, когда нет никаких метелей, ни снега, когда вообще в помине не было той реальной обстановки, которая изображена в этом стихотворении» (Гершензон М. О. Мудрость Пушкина. М., 1919. С. 130).

<sup>24</sup> Дмитрий Николаевич Овсянико-Куликовский (1853—1920) — литературовед, языковед, историк культуры, психолог. Беккер отсылает к положению из статьи Овсянико-Куликовского «Лирика как особый вид творчества» (опубл.: Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1910. Т. 2. Вып. 2) — ср.: «...именно совокупность <...> эмоций ритма, сопутствующих человеку на всех путях его, и образует то, что мы называем лирикой» (Овсянико-Куликовский Д. Н. Лирика как особый вид творчества // Вопросы теории и психологии творчества. С. 192).

<sup>25</sup> Иван Сергеевич Рукавишников (1877—1930) — писатель, поэт-символист, переводчик украинской поэзии. Отмеченное в протоколе соображение Рукавишникова основано на этимологии термина «хорей» — от др.-греч. χορεύς — «плясовой».

<sup>26</sup> Иван Алексеевич Сикорский (1842—1919) — психиатр, публицист. Приведенная в тексте протокола типология была выработана Сикорским в процессе наблюдения над особенностями детской психики, — ее обоснование было предложено ученым в ряде специальных работ, среди которых: Сикорский И. А. 1) Воспитание в возрасте первого детства. СПб., 1884; 2) Три возраста: Психологический очерк, посвященный юношам и старцам. Киев, 1901; 3) Всеобщая

психология с физиогномикой в иллюстрированном изложении. Киев, 1904; 4) Психологические основы воспитания и обучения. Киев, 1909; 5) Душа ребенка: С кратким описанием души животных и души взрослого человека. 2-е изд., доп. Киев, 1909; 6) Основы теоретической и клинической психиатрии с кратким очерком судебной психологии. Киев, 1910.

## 2.

### ПРОТОКОЛ № 8 ЗАНЯТИЙ ПОДОЛЬСКОГО ЛИТКРУЖКА «МОТОР» ПРИ ПОДОЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ МЕХАНИЧЕСКОМ ЗАВОДЕ

*Разбор повести «Капитанская дочка»  
А. С. Пушкина*

4 января 1930 года

Доклад В. Шуршина.<sup>1</sup>

Социальная значимость повести «Капитанская дочка».

Это произведение историческое.

Написал его А. С. Пушкин после тщательного изучения материалов о тех событиях, которые он в нем разворачивает.

Главным героем повести является Е. Пугачев, этот, так сказать, лидер крестьянской революции; вторым — Гринев.

В то время, о котором пишет А. С. Пушкин, Оренбургскую губернию населяли некультурные, дикие племена. Под тяжестью управления российского государства среди этих племен начались волнения, которые в 1773 году вылились в крестьянскую революцию. Возглавлял эту революцию Е. Пугачев.

Любовь в повести «Капитанская дочка» протекает только как аккомпанемент главному — историческим событиям.

Начинается повесть с того, что у отставного премьер-майора уже большой сын. Он живет с отцом в деревне, и отец боится, что деревня может сына избаловать, а то и совсем испортить. Поэтому он отправляет его в сопровождении слуги Савельича, который должен смотреть за ним, как за дитятей, с письмом в Оренбург к своему другу-служаке, чтоб тот сделал из него офицера. По пути в Оренбург Гринев останавливается в Симбирске, где он встречается с ротмистром Зуриным, который его учит пьянке и игре на бильярде, и выигрывает или чуть ли не отнимает у него сто рублей. Потом Гринев едет в Оренбург. Из Оренбурга товарищ и друг его отца отправляет его в Белогорскую крепость. Главой этой крепости формально является капитан Миронов, но на деле управляет ей его жена Василиса: она вмешивается во все ее, так сказать, «стратегические

дела». У них дочь — Мария. В нее влюблен офицер Швабрин, который выслан сюда за убийство. Из-за дочери капитана у Гринева с Швабриным дело доходит до дуэли.

Но тут доходят известия о приближении Е. Пугачева. В крепости созывается совет и, готовятся к отпору. Но несмотря на это, Пугачев взял крепость. Расправился с побежденными под кличкой Петра III, которой он надеялся привлечь к себе не только крестьянскую массу, но и дворян, как лицом авторитетным. Он повесил коменданта Миронова и Ивана Игнатьевича. Гринева Савельич отнял... Здесь произошла поистине трагедия человеческой души: Пугачев отпустил Гринева на все четыре стороны, и виною тому был заячий тулупчик. Гринев уезжает в Оренбург. — Швабрин уже был в стане Е. Пугачева.

В повести очень хорошо даны типы. В словах Е. Пугачева: «Слава Богу, исхожена и изъезжена вдоль и поперек» (он говорит про сторону) чувствуется твердая натура, натура большого полководца-революционера, которая ему нужна, чтобы пойти против царя и дворянства. Ему противопоставляется Швабрин.

Также хороши Василиса, жена Миронова, «этот надкомендант», и их дочь — Мария, которая живет, как в клетке, и которой жизнь не мила от Швабрина.

Савельич настоящий тип раба. Его раболепие характеризуется его же письмом к отцу Гринева: «Государь, Андрей Петрович, отец наш милосердный!» и т. д.

Гринев показан как человек, из которого не могло выйти никакого вояки, как его отец этого ни желал. Он только и делает, что «ерзает» с Марией.

И вообще нужно сказать, что повесть написана очень хорошо, художественно. Но Пушкин — барин, засорил своим классовым ограничением главный смысл вещи. Он не показал в Е. Пугачеве революционера и в восстании крестьян — революции.

#### Прения по докладу.

В. И. Шапошникова.<sup>2</sup>

Относительно классовости установка правильная. В повести даны очень яркие, живые типы. Например: Пугачев, Гринев, Савельич — и все совершенно не похожи друг на друга. Пушкин — мастер цельности личности. Этого нам пока не дают советские писатели. т. <И. С.> Еремеев.<sup>3</sup>

Заключение Шуршина неправильно. Почему Пугачев объявил себя Петром III? Чтобы привлечь к себе дворянство? Но дворяне все равно не пошли бы за ним: они сами убили Петра III. Здесь не



было никакого политического течения, — был бунт. «Бабу уберу с трона, а сам сяду», — говорил Пугачев.

Екатерина у Пушкина, несмотря на такой его талант, сделана фальшиво. Точно так же фальшива встреча в саду с собачкой.

Надо полагать, что это сделано по социальному заказу.<sup>4</sup>

т. <Д.> Долинин.<sup>5</sup>

Пушкинская проза очень яркая. Про нее говорят, что «это золотая проза».

т. Шуршин говорит, что Пугачев присвоил себе имя Петра III для того, чтобы привлечь к себе массы. Почему это было нужно? Неужели крестьяне, которые шли с ним, были на таком низком культурном уровне?

т. Еремеев.

Нет. Екатерина потому и не дала Петру управлять государством, что он не мог сдерживать вольность свободных племен.

А какие же там были дикие племена, т. Шуршин? Там было казачество и уже не такие «некультурные, дикие племена», как вы говорите.

т. Шуршин.

Я не говорю, что они были на самом деле дикими. Но по сравнению с настоящим временем они были дикари.

М. И. Беккер.<sup>6</sup>

Доклад вполне удовлетворительный, добросовестный и обстоятельный. Чувствуется непосредственность. Все замечания ценны. Но это далеко не все, чтобы охватить вещь полностью. Надо прежде всего стереть желание Пушкина заставить забыть, уйти подальше от беспощадности царей, от революционных тревог. Это наивный подход Пушкина. Надо помнить, что он своей целью ставил оправдание монархического строя. И недаром Пушкин сказал, что <Н. М.> Карамзин — «Колумб по отношению к [русскому] российскому государству».<sup>7</sup> В повести «Капитанская дочка» Пушкин остается все так же верным самому себе, тем же дворянином.

Пугачевский бунт надо рассматривать как движение революционное беднейшего крестьянского населения.

Правда, Пугачев любил выпить, он был нечистоплотным, но у него все-таки был свой идеал. Есть декларация прав Пугачева, в которой провозглашается воля крестьянству, и оно противопоставляется барам и боярам. У него была четкая классовая установка. Впоследствии эти элементы как-то стушевались, но вначале это было так.

У Пушкина Пугачев показан тенденциозно, явно по-дворянски.

Савельич — это не только образ раба, холопа, это — образ идей. Савельичем он защищает свою точку зрения. Савельич оберегает Гринева, заботится о благополучии его родителей.

Выводится à la Савельич.

В нашей литературе такие типы встречаются. Такие à la Савельич есть у Л. Толстого.

Тулупчик в литературе сыграл очень большую роль. Сколько было спору в марксистской критике по поводу этого тулупчика.

Воронский говорит об общечеловеческой ценности этой детали.

«Вот, посмотрите, — говорит он, — какую роль сыграла эта деталь».

«Пугачев продал свою классовую совесть за этот тулупчик».<sup>8</sup>

Чехов сказал: «Если в первом действии дано ружье, то во втором оно должно выстрелить».<sup>9</sup>

Тулупчик не заставил себя ждать, он на самом деле выстрелил и попал в цель. Это деталь высокого качества. В этом великая заслуга Пушкина.

Следует заметить, что пушкинская проза какая-то сухая.

Вот возьмите «Днепр»<sup>10</sup> Гоголя. Здесь она плавная, переливается золотым потоком, но зато в ней много лишних слов. У Пушкина — сжатая, вся из деталей чистого золота, и это не золотой фонд, а живой капитал в действии.

Я теперь не читал повести, читал ее еще, когда учился в гимназии, но хорошо помню ее до сих пор, и ни в коем случае не хочу отнести это за счет моей хорошей памяти. Наоборот, нахожу, что это объясняется большой художественностью повести. Помню ее с самого начала.

Вот сидит отец Гринева за чтением Придворного календаря, который он перечитывает несколько раз, и всегда с большим удовольствием. И однажды он бросает этот календарь и обращается к жене: «А сколько лет Петруше?» Та отвечает: «Семнадцать». Тогда отец заявляет, что «пора ему на службу». Мать это так трогает, что она роняет ложку в кастрюльку, в которой она варит варенье, и у нее из глаз потекли слезы, потому что она знает, что раз отец сказал — он сделает. Он, как видно, — человек твердый и не изменяет своим [намерениям] решениям. Напротив, Гринев очень рад, он знает, что ему будет свободнее.

В этом отрывке опять золотые детали. Вот хотя бы ложка, которую мать роняет в кастрюльку.

Сейчас для нас является большой задачей написать исторические вещи в марксистском освещении. У нас уже есть удачные опыты в этом отношении. Например, «Золотой клюв»<sup>11</sup> <А. А.> Карава-

евой, «Стенька Разин»<sup>12</sup> <А. П.> Чапыгина. Но необходимо переписать, перевести на марксистские рельсы «Капитанскую дочку», но так, чтобы не осрамиться, чтобы вместо «Капитанской дочки» не получилась какая-нибудь Марья Ивановна.

Мы знаем, что <С. И.> Малашкина в этом деле постигла неудача. Он хотел из «Войны и мира» сделать «Две войны и два мира»,<sup>13</sup> но только запутал Л. Толстого в его же бороде, сам в ней запутался и повесился на этой бороде.

«Пугачев показан в повести живым человеком», — говорит Варвара Ивановна <Шапошникова>. Совсем не так выводят героев наши писатели. У них обязательно герой — крепкий мужик, с зычным голосом, и он никогда ни в чем не ошибается.

У Пушкина герои со всеми их хорошими и плохими качествами.

Но для того, чтобы написать исторический роман, «для этого, мы говорим, нужно иметь крепкую часть сиденья, так как, чтобы его написать, нужно тщательное изучение исторических документов». Кроме того, нужно обладать способностью перевоплощаться.

Об удивительном перевоплощении Пушкина еще заметил <Ф. М.> Достоевский.<sup>14</sup>

Вот какие выводы я хотел сделать из всего этого.

ОР ИМЛИ, ф. 158, оп. 1, № 307, л. 3—5 об. Рукопись. На л. 5 приписка: «Запротоколировал В. Рыбаков».

<sup>1</sup> См. примеч. 13 к документу № 1.

<sup>2</sup> См. примеч. 14 к документу № 1.

<sup>3</sup> Игорь Степанович Еремеев (1903—?) — член литературного кружка «Мотор», статистик текстильной Фабрики имени 1 мая (в 1929 году известна как «Рязановская») Подольского района. С 1914 года обучался в реальном училище в Хабаровске. В 1921 году получил среднее образование и поступил в Институт восточных языков во Владивостоке. С 1926 по 1929 год жил в Нижнем Новгороде, где работал в Акционерном обществе «Рудметалторг». С августа 1921 года жил в Подольске. С 1928 года — член Всероссийского Союза поэтов. Подробнее см.: Еремеев И. С. Автобиография с приложением заявления [1929] // ОР ИМЛИ, ф. 158, оп. 1, № 135, л. 1—2 об.

<sup>4</sup> В № 2 за 1928 год журнала «Литература и марксизм» И. М. Нусинов напечатал статью «Социальный заказ», в основу которой лег текст доклада, прочитанного 19 марта 1928 года в Комакадемии. Именно эта публикация и положила начало широкой дискуссии по вопросу о «социальном заказе», пришедшей на самое начало 1929 года. Этому обсуждению был почти целиком посвящен номер журнала «Печать и революция» (1929. № 1), где в разделе «Спор о социальном заказе» печатались статьи О. М. Брига, Г. Е. Горбачева, Н. И. Замошкина, П. С. Когана, И. М. Нусинова, В. Ф. Переверзева, Вяч. П. Полонского, и др. (с. 19—65), а в разделе «Писатели о социальном заказе» — материалы Ф. В. Гладкова, А. А. Караваевой, Л. М. Леонова, Б. А. Пильняка, И. Л. Сельвинского и К. А. Федина (с. 65—75). Подробнее см.: Очерк истории русской советской журналистики, 1917—1932. М., 1966. С. 128; История русской ли-

тературной критики: Советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. А. Добренко и Г. Тиханова. М., 2011. С. 186—189.

<sup>5</sup> См. примеч. 8 к документу № 1.

<sup>6</sup> См. примеч. 21 к документу № 1.

<sup>7</sup> Имеется в виду следующая фраза из автобиографических записок Пушкина: «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом» (XII, 305).

<sup>8</sup> В статье «Полемические заметки» (опубл.: Красная новь. 1924. № 5) А. К. Воронский, полемизируя со статьей Г. Лелевича «Наши литературные разногласия» (опубл.: Звезда. 1924. № 3), писал: «Народное движение в повести действительно искажено, верно о сочувствии Екатерине II, но Лелевич пропустил одну “мелочь” в повести: *заячий тулупчик*. Выбросьте эту “мелочь” из повести — и ее нет как целого. Она вся рассыпется и станет мертвой. Будут: Гриневы, Мироновы, Екатерина II, Пугачев, искаженное народное движение, будет, словом, мертвый костяк повести. Главная мысль повести, ее основной стержень — в этом тулупчике, который появляется во всех трагических и странных обстоятельствах жизни молодого Гринева. Он выручает его из бед, он сводит его с Пугачевым по-настоящему, он приводит к тому, что Пугачев на плахе, пред тем как сложить свою голову, кивком прощается с Гриневым, находящимся в толпе, тут не сюжет только, а подлинное сердце произведения. Писать о повести в целом, пояснять “Капитанской дочкой”, как *целое* гармонирует со своими *частями*, какое *общее* эмоциональное “заражение” оно производит, и пропустить там и сям мелькающий заячий тулупчик, значит ничего не понять в основном художественном замысле автора — значит сосредоточить внимание на второстепенном. Лелевич не понял повести. Искажение пугачевского движения, Екатерину II и т. д. он принял за главное. Он все называет повесть гениальной. С его точки зрения повесть просто вредна, ибо заражает, в конце концов, дворянскими эмоциями. Собственно, это и сказал Лелевич, заявив, что ее нужно “изучать” как образец того, как в повести сказывается дворянская подоплека. На самом деле гениальность Пушкина в повести сказалась не только в мастерских типах: Гриневы, Мироновы и т. д., но главным образом в том, что при помощи тулупчика писатель действительно гениально вскрыл общечеловеческое и этим общечеловеческим осветил все “странные” обстоятельства жизни Гринева. “Капитанская дочка” действительно образец, но совсем не того, что хотел доказать наш критик: она показывает, как вопреки дворянской подоплеке, которая, конечно, есть в повести, Пушкин поднялся до высоких художественных обобщений. “Капитанская дочка” — совсем не бытовая, историческая повесть, хотя этот элемент в ней, конечно, есть. В силу этого и несмотря на искажение пугачевщины, повесть до сих пор положительно в целом заражает читателя» (Воронский А. К. Полемические заметки // Красная новь. 1924. № 5. С. 312—313). Позднее на эту полемику откликнулся В. Б. Шкловский: «Тов. Воронский, человек разочарованный и вольнолюбивый. Он в Иерусалиме поколеблен. Рассматривая “Капитанскую дочку”, он нашел, что “заячий тулупчик” — факт внеклассовый, что здесь Пушкин как бы перестал быть дворянином. Очевидно, Воронский хотел объяснить хотя бы тулупчиком тот факт, что “Капитанскую дочку” можно читать и сейчас» (Шкловский В. Б. В защиту социологического метода // Новый Леф. 1927. № 3. С. 22). Для точности отметим, что у нас нет сведений, смотрели ли кружковцы фильм «Капитанская дочка» («Гвардии сержант», 1928; реж. Ю. В. Тарич — стенограммы и протоколы обсуждения сценария см.: РГАЛИ, ф. 2647, оп. 1, № 103) по сценарию Шкловского (см.: Тарич Ю. В., Шкловский В. Б. Капитанская дочка:

[Киносценарий, монтажные листы, либретто, список литературы, сводка работы по фильму] // РГАЛИ, ф. 2647, оп. 1, № 45; Шкловский В. Б. Капитанская дочка: Комментированный сценарий. [М.], 1929; ср. также в изд.: Бюллетень ГАХН. 1927—1928. № 10. С. 60—61 — информация о докладе Шкловского «Сценарий “Капитанская дочка” и методы кинематографической интерпретации исторического материала» в ГАХН 29 декабря 1927 года) — в подавляющем числе случаев такая культмассовая работа (особенно мотивированная руководством кружка) фиксируется в протоколе или специально оговаривается в сопроводительных документах к занятиям. Однако в этом случае мы такой информацией не располагаем, но в то же время подчеркиваем важность этой контекстуальной подробности для понимания общего контекста приведенного обсуждения.

<sup>9</sup> А. П. Чехов неоднократно описывал свой драматургический принцип, прибегая к метафоре с висаящим на стене ружьем; ср., например, в письме к А. С. Лазареву (Грузинскому) от 1 ноября 1889 года: «Нельзя ставить на сцене заряженное ружье, если никто не имеет в виду выстрелить из него. Нельзя обещать» (Чехов А. П. Полн. собр. соч.: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1976. Т. 3. С. 273; письмо к А. С. Лазареву (Грузинскому) от 1 ноября 1889 г.; см. также: Там же. С. 464).

<sup>10</sup> Имеется в виду отрывок «Чуден Днепр при тихой погоде...» из повести «Страшная месть», входящей во вторую часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (1832) — см.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2003. Т. 1. С. 205—207.

<sup>11</sup> Каравеева А. А. Золотой ключ: Повесть. М.; Л., 1927.

<sup>12</sup> Чапыгин А. П. Разин Степан: Исторический роман: В 3 т. М., 1927.

<sup>13</sup> Малашкин С. И. Две войны и два мира: Роман. М., 1927. Кн. 1.

<sup>14</sup> Имеется в виду следующее утверждение Ф. М. Достоевского из так называемой «Пушкинской речи», произнесенной 8 июня 1880 года на заседании Общества любителей российской словесности: «Пушкин лишь один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 145—146). В «Объяснительном слове» к речи Достоевский писал: «Третий пункт, который я хотел отметить в значении Пушкина, есть та особая характернейшая и не встречаемая кроме него нигде и ни у кого черта художественного гения — способность всемирной отзывчивости и полнейшего перевоплощения в гении чужих наций, и перевоплощения почти совершенного. Я сказал в моей речи, что в Европе были величайшие художественные мировые гении: Шекспиров, Сервантесы, Шиллеры, но что ни у кого из них не видим этой способности, а видим ее только у Пушкина. Не в отзывчивости одной тут дело, а именно в изумляющей полноте перевоплощения. Эту способность, понятно, я не мог не отметить в оценке Пушкина, именно как характернейшую особенность его гения, принадлежащую из всех всемирных художников ему только одному, чем и отличается он от них от всех» (Там же. С. 130).

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК  
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

# **ВРЕМЕННИК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ**

Выпуск 40



Санкт-Петербург  
2026

УДК 821.161.0  
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1  
В81

*Издание основано в 1962 году*

Ответственный редактор  
А. Ю. БАЛАКИН

© Авторы статей, 2026  
© Пушкинская комиссия РАН, 2026